

Глава 13

На деле же всё пошло совсем не так гладко, как планировалось.

Пока снимали в Жунъяне, обошлось без происшествий. Вся группа под руководством Хэ Жаня отработала строго по графику и благополучно вернулась в Жунсюань.

А буквально через несколько дней грянул гром.

По сюжету Чэн Лань, выпустив пар, возвращался в город к работе, но продолжал изредка переписываться с Цэнь Лэшао.

Обеспеченный, независимый тренер по верховой езде, который работал исключительно ради собственного удовольствия, — он воплощал в себе всё то, о чём Чэн Лань мог только мечтать.

Должно быть, именно поэтому Чэн Лань, не раздумывая ни секунды, согласился, стоило Цэнь Лэшао предложить ему пару уроков верховой езды.

Сценарий этой детали много времени не уделял: требовалась всего лишь короткая нарезка кадров, демонстрирующая их непринуждённое общение.

Ань Цзинцян держался в седле уверенно, да и сложных трюков сцена не требовала, так что от каскадёра он отказался сразу. А вот Сун Нуань к лошадям никогда в жизни не подходил, отчего теперь изрядно нервничал.

К счастью, его персонаж по сюжету тоже не умел ездить верхом, так что Сун Нуаню нужно было просто удержаться в седле и изобразить робкие попытки сдвинуться с места.

Режиссёр Хэ Жань терпеть не мог дублёров. Когда Сун Нуань поначалу заколебался, он помрачнел, но стоило актёру заявить, что он сыграет всё сам, Хэ Жань сменил гнев на милость.

Тем не менее ради безопасности актёра на площадку пригласили профессионального инструктора. К съёмкам решили приступить только после того, как новичок освоит базовые навыки.

График занятий Сун Нуаня быстро приобрёл чёткие рамки: тренер работать сверхурочно за спасибо не нанимался, а потому отпускал подопечного строго по часам.

Зато Хань Цзицин в эти дни пахал без продыху, снимаясь в сценах соперничества со своим экранным конкурентом. Хэ Жань обожал наблюдать за искрящейся химией равных по силе актёров. Видя их рабочий кураж, он гонял обоих до седьмого пота, объединяя утренние и вечерние смены.

Ань Цзинцзянь среди сверстников и более молодых коллег практически не имел равных по уровню мастерства. Подводили лишь нежелание пиариться на дешёвых сплетнях да отсутствие влиятельных покровителей, иначе он давно бы закрепился в первом эшелоне звёзд.

Хань Цзицзин во время совместных сцен получал истинное наслаждение от соперничества с сильным партнёром. Усталость наваливалась на него лишь тогда, когда режиссёр объявлял команду «Снято!».

— Послушай, старик, — Хань Цзицзин лениво развалился на стуле, — данные у тебя шикарные. Не думал найти себе тёплое местечко под чьим-нибудь крылом, чтобы побыстрее выбить какую-нибудь престижную премию?

Его ассистентка всюду махала веером, пытаясь охладить разгорячённого актёра, пока тот тянул через соломинку ледяной напиток и лениво перебрасывался фразами с коллегой. Жизнь слишком коротка, чтобы пробиваться лбом через тернии, когда с такой внешностью можно капризно выбирать лучшие роли. Цзицзин искренне не понимал подобного альтруизма.

Ань Цзинцзянь лишь усмехнулся, явно не настроенный на откровения:

— Слышал бы тебя сейчас твой фан-клуб, великий киноактёр Хань. Или ты намекаешь, что лично готов составить мне протекцию?

— За других не скажу, но разве я сам — плохая партия? — Цзицзин оживился и подался вперёд, заговорщицки подмигнув. — Если устроишь меня в постели, мне без разницы, кто сверху. Как тебе предложение? К концу года как раз намечается одна премия, номинанты ещё не утверждены. А у моей семьи отличные связи с оргкомитетом. Всё зависит от твоей сговорчивости.

Ань Цзинцзянь без лишних эмоций скинул его ладонь со своего бедра. Ситуация начинала казаться ему забавной.

— Ты же у нас послушных да милых любишь. С чего вдруг на меня стойку сделал?

— Больше месяца на съёмках без нормального секса! — заныл Цзицзин, скорчив унылую мину.
— Тут любой святой взвыл бы... Твою мать! Ты какого хрена снимаешь?!

Он осёкся на полуслове, заметив неподалёку девушку с наведённым на них смартфоном, и грязно выругался.

Толкнув в бок стоявшую рядом помощницу, он мотнул головой в сторону зеваки, приказывая разобраться и заставить стереть запись. Сам же с недовольным видом откинулся на спинку кресла:

— Сплошные проблемы. Если этот трёп всплывёт в сети, моему идеальному имиджу конец.

Ань Цзинцзянь молча наблюдал за тем, как ругается этот звёздный мальчик. В голове невольно всплыли ярлыки, которые на Цзицина вешали преданные фанаты: «добрый», «чуткий», «очаровательный». Контраст был разительным.

— Пойду проверю, как там дела у Нуаня, — Цзинцзянь поднялся, испытывая непреодолимое желание оказаться как можно дальше от этого избалованного мажора.

Тот уловил его брезгливость, но лишь тихо буркнул вслед: «Неблагодарный чистоплюй», после чего перевёл взгляд на возвращающуюся помощницу.

— Всё чисто. Удалила даже из корзины и проверила облако, — Цзи Лянь упёрла руки в бока и устало вздохнула. — Но послушай меня, звезда моя. Можно хотя бы на людях держать язык за зубами и не нести пошлятину? Потерпи до гостиничного номера, никто от этого ещё не умирал. Держи себя в руках.

— Тсс, — Цзицин приложил палец к губам и заговорщически кивнул в сторону Сун Нуаня, уткнувшегося в сценарий, к которому как раз подошёл Ань Цзинцзянь. — Тебе не кажется, что они как-то слишком уж спелись?

— Они из одного агентства, — резонно возразила Цзи Лянь. — Вполне естественно, что старший помогает новичку.

— Нормально-то нормально, — Цзицин задумчиво потёр заросший щетиной подбородок. — Да только даже наставники приберегают козыри для себя. А этот возится с ним целыми днями, разжёвывает каждую сцену. С чего бы такая щедрость?

— И к чему ты клонишь? — Цзи Лянь нахмурилась. Её богатое воображение тут же нарисовало драматическую картину: талантливый, но бедный актёр вынужден пресмыкаться перед фаворитом влиятельного спонсора ради выживания в жестоком шоу-бизнесе.

Ань Цзинцзянь всегда казался ей редким исключением — гордым, принципиальным профессионалом, не запятанным грязными интригами индустрии. Неужели суровая реальность сломала и его, заставив выслуживаться перед протеже высокого начальства? Сердце кровью обливалось от подобных мыслей.

Цзицин долго сидел с умным видом, а потом резко схватил ассистентку за руку и, вытаращив глаза как ребёнок, совершивший великое открытие, зашептал ей прямо в ухо:

— А вдруг Ань Цзинцзянь на него просто запал?!

Эта безумная теория разом объясняла все странности. Цзицин мысленно похвалил себя за

сообразительность — чертов гений, не иначе!

— Тягаться с Су Чанлэ — это, конечно, форменное самоубийство... Но за смелость парню определённо стоит накинуть баллов.

Цзи Лянь молча высвободила локоть из хватки разгорячённого актёра и отошла.

Главный секрет долголетия — никогда не спорить с идиотами.

К съёмкам сцены с лошадьми приступили только тогда, когда инструктор подтвердил, что Сун Нуань держится в седле достаточно уверенно для самостоятельной езды. Поначалу всё шло как по маслу.

Но отсутствие опыта давало о себе знать: снять эпизод с первого дубля не удавалось. Сун Нуаню приходилось раз за разом заходить на новый круг под леденящим душу взглядом режиссёра.

— Прости, я сегодня жутко туплю, — тихо извинился он перед Ань Цзинцянем, прекрасно понимая, что заставляет партнёра тратить силы впустую.

Цзинцянь лишь благодушно улыбнулся и махнул рукой, показывая, что всё в порядке, после чего подал знак операторам.

Он уверенно и открыто улыбнулся, задорно и по-мальчишески блеснув глазами:

— Смотри, Чэн Лань, это совсем не так сложно, как тебе кажется! Лошади всё чувствуют. Она поймёт, чего ты от неё хочешь.

Сун Нуань на мгновение залюбовался его игрой и напрочь забыл о собственной реплике. «Ну всё, сейчас Хэ Жань с потрохами сожрёт», — с тоской подумал он.

Однако заминка на удивление точно легла на растерянность самого персонажа, так что команды «Стоп!» из рупора не последовало.

Сун Нуань несмело приподнял голову, собираясь ответить, но не успел произнести и звука — в долю секунды мир перевернулся.

Для съёмок выбрали самого спокойного и послушного мерина в конноспортивном клубе. Актёр несколько недель привыкал к нему, и животное ни разу не проявило норова.

Но в этот миг конь внезапно взбрыкнул, резко рванулся вперёд и буквально сбросил всадника

на землю.

Ань Цзинцянь среагировал мгновенно: спрыгнув на ходу из своего седла, он бросился к лежащему на траве Сун Нуаню. Первое, что он увидел, был багровый след на траве.

Сун Нуань пролетел несколько метров, перекатился по земле и едва увернулся от копыт обезумевшего коня. На лице проступили глубокие ссадины.

Наглотавшись пыли, он хрипел от невыносимой боли, растёкшейся по всему телу. Попытка пошевелить рукой отозвалась лишь тупой, парализующей слабостью в плече.

На середине съёмок актёров меняют редко, но в истории кино такое случалось. Сун Нуань судорожно сжал пальцы, пытаясь вспомнить имена режиссёров, известных подобным деспотизмом.

И надо же было такому случиться, что Хэ Жань числился в их первых рядах.

Он глухо закашлялся, выплюнув сгусток тёмной крови. С его испачканной одежды поднялось облачко серой пыли, делая его вид ещё более жалким и измождённым.

«Если меня сейчас снимут с роли из-за этой нелепой травмы, все труды псу под хвост», — промелькнула паническая мысль.

Тем временем дежурные ветеринары пытались вколоть буйному мерину транквилизатор, а бледный как полотно владелец конноспортивного клуба без умолку лепетал перед разъярённым режиссёром, уверяя, что его лошади никогда себя так не вели.

— Избавьте меня от ваших оправданий! — рявкнул Хэ Жань. — Если съёмочный процесс сорвётся, готовьтесь к суду. А сейчас уйдите с глаз моих, пока я за себя не отвечаю!

Отодвинув несчастного коннозаводчика в сторону, он на ходу набрал номер скорой помощи и быстрым шагом направился к пострадавшему.

— Эй, парень, ты как? Живой? — Хэ Жань присел на корточки перед Сун Нуанем, который не мог даже приподняться.

— Да я... в норме... — Сун Нуань попытался слабо махнуть рукой, но Ань Цзинцянь жестко прервал его опасную попытку казаться героем.

— Мы не знаем, насколько всё серьёзно. Я не рискну его двигать, — решительно заявил Цзинцянь, обращаясь к режиссёру. — Без медиков тут ничего делать нельзя, можем сделать только хуже. Ждём скорую.

— Брат Нуань ранен! Приезжай скорее, тут столько крови! — запричитала Юй Яньян в трубку. Её тонкий, дрожащий от паники голосок резко выделялся на фоне сурового баса обступивших их мужчин.

Ань Цзинцян поднял глаза. Девушка стояла рядом, размазывая слёзы по лицу.

Дэн Цися на другом конце провода готов был завывать от бессилия. У него складывалось стойкое ощущение, что его проклинали: стоило ему на полчаса оставить друга без присмотра, как непременно случалась катастрофа.

Бессвязный лепет двоюродной сестры раздражал и мешал соображать. Потеряв остатки терпения, он рявкнул в трубку:

— Да замолчи ты уже, не ори! Быстро дай трубку Нуаню!

Перепуганная Яньян, не способная мыслить рационально, послушно закивая, поднесла телефон к уху лежащего на земле Сун Нуаня.

— Нуань, держись. Яньян скинет мне адрес больницы, я сразу приеду. Слышишь? Не дёргайся и не паникуй, — голос Цися звучал непривычно собранно и твёрдо. — Всё будет хорошо, слышишь меня?

Сун Нуань попытался сделать глубокий вдох, чтобы унять дрожь и понять, какая часть тела пострадала сильнее всего.

— Спасибо, — выдохнул он через силу.

Су Чанлэ узнал о происшествии в самый разгар часа пик. Дороги застыли в глухой пробке. Водитель то и дело испуганно косился в зеркало заднего вида на босса, который с такой силой сжимал в руках несчастный смартфон, что пластик жалобно трещал. Мужчине казалось, что если они не тронутся в ближайшую минуту, его собственная голова окажется на месте этого гаджета.

Кое-как преодолев заторы и добравшись до указанной Яньян клиники, Чанлэ застал уже мирную картину: Сун Нуаня перевязали и перевели в общую палату, где он крепко спал, укрытый одеялом поверх плотных слоёв белоснежных бинтов.

В съёмочной группе Сун Нуань так и не обзавёлся близкими друзьями. Те немногие, кто поехал с ним в больницу, сделали это лишь ради приличия и, убедившись, что угрозы для жизни нет, быстро разъехались по своим делам. В коридоре не осталось ни души.

Столкновение у дверей палаты с Хэ Жанем, собиравшимся уходить, удивило Чанлэ. Режиссёр скользнул глазами по спящему актёру, нахмурился, словно сопоставляя какие-то факты, но расспрашивать не стал и молча удалился.

— Надо же, появился, — раздался сонный голос из глубины коридора. Хань Цзицзин, сидевший на пластиковом кресле, лениво протёр глаза и приподнял голову. — Мчатся посреди ночи ради какого-то неизвестного статиста... Я начинаю думать, что слухи не врут и ты действительно в него втрескался.

Су Чанлэ заглянул в палату через узкое смотровое окно. Возле кровати дежурили Дэн Цися и его заплаканная кузина. Подавив острое желание закурить, Чанлэ опустил на сиденье рядом с Цзицзином.

— Твоих рук дело? Что ты сотворил с конём?

— С чего такие выводы? — Хань Цзицзин мгновенно стряхнул остатки сна. Он азартно блеснул глазами.

Он притворно надул губы, изображая крайнюю степень оскорблённого достоинства:

— Бросаться такими обвинениями бездоказательно — дурной тон. Может, у тебя и улики имеются?

— Чэнь Сы лично съездила в конноспортивный клуб и всё проверила, — сухо отчеканил Чанлэ.

Хань Цзицзин, только что разыгрывавший святую невинность, на секунду завис, а затем тихо, сквозь зубы выругался:

— Блядь.

<http://bllate.org/book/19980/2038796>